

СТАТЬИ

УДК 811.161.1'373.215(470.2)

В. Л. Васильев

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
vihnn@mail.ru

СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ГИДРОНИМОВ РУССКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА*

Ключевые слова: русский язык, гидронимия Русского Северо-Запада, структурно-словообразовательная типология гидронимов, гидронимические форманты и основы, гидронимические микросистемы, деривационные отношения в гидронимии.

В статье изложены некоторые предварительные итоги исследования названий рек, ручьев и озер Русского Северо-Запада, которое проводилось в структурном и словообразовательном аспектах. Приведен список главных формантов, образующих славянскую гидронимию региона; даны перечни структурных элементов, характерных для неславянской гидронимии; рассматривается понятие деривации применительно к гидронимии; освещаются типология формантов и предпочтения в выборе формантов в зависимости от класса гидрообъекта, различные процессы онимизации и трансонимизации, микросистемные связи и способы образования водных имен, их вариантность и др.

Избранная для лингвистического анализа гидронимов территория Русского Северо-Запада (далее РСЗ) ограничена Ленинградской (не севернее притоков Невы), Псковской, Новгородской областями, северными и северо-западными районами Тверской, западными районами Вологодской области. В гидрографичес-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 04-08-0283а.

© Васильев В. Л., 2012

ком отношении это Ильмень-Волховский бассейн и бассейн Чудско-Псковского озера с р. Великой, верховья Западной Двины, верхневолжские озера, течения рек Плюсы, Луги, Невы, Сяси, Паши, Суды, Чагоды, Мологи. В плане социальной истории это область средневековых пятин Великого Новгорода и смежные с ней Псковская, Пусторжевская и Торопецкая земли. Материальной базой исследования послужили около 12 000 наименований рек, ручьев и озер в обозначенном регионе РСЗ, которые почерпнуты из различных источников XX–XXI вв.

Комплексное лингвистическое исследование гидронимии включает структурно-словообразовательный, этимологический и ареальный анализ, с завершением которых устанавливаются связи гидронимии с этнической историей региона. Главным следует признать структурно-словообразовательный анализ, благодаря которому удастся объяснить появление (образование) подавляющего большинства водных названий в регионе. Этот анализ, создающий максимальные возможности для классификаций, наиболее продуктивен тогда, когда обращен прежде всего к аспекту деривации, максимально индивидуализированному, учитывающему как крупные, так и единично проявляющиеся гидронимические типы, а порой и «внетиповую» гидронимию. Иначе все сведется к обобщенному рассмотрению внешне однородных структурных групп, которые на самом деле обыкновенно состоят из названий с совершенно разной деривационной историей и типологией формантов.

Метод «обратного словаря» для словообразовательного анализа является основным классификационным методом, позволяющим объективно и удобно распределить материал на «рифмованные сегменты» — совокупности гидронимов, объединенных тождеством конечных звуков. При этом неизбежны трудности в подразделении словообразовательной и этимологической сторон водных названий, но в целом разграничение этих аспектов связано с разграничением славянского и неславянского в названиях: субстратные аффиксальные структуры (например, на *-ма*, *-та*, *-хта*, *-дро*, *-ас*) подлежат этимологическому анализу, тогда как славянские (русские) дериваты — словообразовательному. Разумеется, проведение разделительной линии между двумя аспектами зависит от того, насколько понятно происхождение и — в большей степени — строение водного названия.

При исследовании гидронимов РСЗ автор исходит из тезиса о том, что все водные названия (как и прочие географические названия) являются дериватами и должны описываться в рамках широко понимаемой деривации. Хотя этот тезис разделяется далеко не всеми, очевидно, что в любом случае речь идет о знаках вторичных, которые всегда могут быть объяснены либо при помощи исходных единиц нетопонимической лексики (апеллятивов и антропонимов), либо при помощи иных топонимов, принимаемых за исходные. Можно говорить о двух типах деривации гидронимов — функционально-семантической и морфологической. В первом случае гидронимы образуются только путем смены функций

и/или преобразования (изменения, затухания) семантики без участия специализированных формальных средств (формантов): д. *Алатовичи* ← оз. *Алатовичи*¹, р. *Гриб* ← нариц. *гриб*, оз. *Житонег* ← личн. *Житонѣг*; во втором случае гидронимы возникают при помощи формантов и являют собой особые, отличные от исходных лексемы или сочетания лексем: р. *Переборашка* ← *перебор* 'перекат', оз. *Песно* ← р. *Песенка*, р. *Малая Судомля* ← р. *Судомля*. В таких гидронимах вычленяются деривационная основа и формант, который является не одним только средством деривации, но и структурным показателем, обеспечивающим принадлежность гидронима к определенному разряду форм. Свойство форманта быть структурным показателем прямо связано с его продуктивностью, например, в ряду названий на *-инка* (*Глинка*, *Соминка*, *Углинка*, *Шитинка* и т. п.), которые образовывались при помощи разных формантов (*-енка*, *-инка*, *-ка* и др.), только формант *-инка* увеличивает свою продуктивность, распространяясь по аналогии, т. е. под «давлением» всей совокупности внешне однотипных структур.

Форманты, использованные при производстве гидронимии РСЗ, очень разнообразны. В основном это аффиксальные форманты: суффиксальные (суффиксы + постоянно сопровождающие их флексии), реже — собственно флексийные, конфиксальные и префиксальные. Многочисленные суффиксальные форманты следует дифференцировать от тех омонимичных суффиксов, которые принадлежат исходным апеллятивным или онимным лексемам и входят в деривационную основу. Сложная задача такого разделения удовлетворительно может быть решена только при внимательном рассмотрении процесса деривации отдельно взятых названий. О гидронимической продуктивности форманта позволяют судить такие его особенности, как способность создавать новые структуры, неизвестные в апеллятивной лексике, способность соединяться с основами исходных онимов, способность к пересечению с другими формантами при общей основе и др.

Главные аффиксальные форманты славянского происхождения, которые удается вычленить в гидронимии РСЗ, следующие: *-ова/-ева*, *-ага/-яга*, *-уга/-юга*, *-ижа*, *-жа* (< *-ша*), *-ка*, *-овка/-евка*, *-ика*, *-ейка*, *-анка/-янка*, *-енка*, *-онка*, *-инка*, *-оватка/-еватка* (?), *-атка/-ятка*, *-ошка*, *-ушка/-юшка*, *-енька*, *-яка*, *-ома*, *-ана*, *-на*, *-ина*, *-щина*, *-ита* (?), *-аха/-яха*, *-оха/-еха*, *-иха*, *-уха/-юха*, *-ица*, *-ница*, *-ца*, *-еча*, *-оча*, *-ша*, *-иша*, *-оша*, *-уша*, *-ища*, *-ев/-ов*, *-ле*, *-емле/-омле*, *-ско(е)/-цко(е)* (< *-ьцьское*, *-чьское*, *-тьское* и др.), *-евское/-овское/-енское/-инское*, *-це*, *-ище*, *-не*, *-ье*, преф. (*су-*, *за-*, *под-*, *над-*, *по-*, *о-*, *меж-*) + *-ье-*, *по-* + *-ья*, *по-* + *-ка*, *-еж*,

¹ Н. В. Подольская топонимы такого типа не считает дериватами и не относит к категории словообразования [Подольская, 1983, 6]. Иногда предпочитают говорить об употреблении апеллятива в гидронимической функции или об абсолютном употреблении апеллятива [см., например: Трубачев, 1968], хотя, как показывают даже приведенные примеры, недостаточно все сводить к апеллятивам. При этом происходит упрощение отношений, поскольку, если считать слово двусторонней единицей, речь должна идти все-таки о словообразовании (деривации).

-иж, -яж, -ский/-цкий/-ской/-цкой, -евский/-овский/-енский/-инский, -уй, -ак/-як, -ек/-ок, -овик, -ик, -ник, -енок/-онок, -инок, -янок, -юк, -няк, -ован (?), -ин, -ун/-юн, -ево/-ово, -ико, -инко, -енко, -ко, -но, -ено, -ино, -цо, -ец, -цы, -от, -юх, -ец, -енец, -инец, -иц, -ач, -ич, -яч, -аш/-яш, -иш, -ош, -ыш, -ль, -оль, -ань/-янь, -ень, -онь, -ынь, -ость, -ска(я)/-цкая, -овская/-инская, -ея/-ия, -ля, -емля/-омля, -уля, -ня, -ыня, -ья, -ынья. «Скрытым» суффиксальным формантом является -j-, присоединявшийся к основам антропонимов: *Мерогоща* (< *Мѣрогост-j-*), *Неважа* (< *Невад-j-*). Флексийные форманты: -ое/-о, -ая/-а, -и/-ы, -а (plural.), -ее/-е, -ий/-ый/-ой, -о/-е, -а/-я.

Перечисленные форманты гидронимов РСЗ могут быть разделены на простые (-ка, -еха, -оша, -ица, -аш, -ец, -ень, -ья и др.) и сложные, состоящие из двух суффиксальных элементов (-евка/-овка, -ушка, -янка, -ница, -омля, -ынья и др.); сложные участвуют в производстве хронологически более поздних («вторичных») деривационных типов. Сложный суффиксальный формант далеко не всегда удается отграничить от омонимичного сочетания суффиксов, но на помощь здесь часто приходят смежные и вариантные онимы: *Мстиж-енка* — р. из оз. *Мстиж-а*, но *Берез-ен-ка* — вар. *Берез-на*. Сложных формантов в целом выявлено значительно меньше, чем омонимичных сочетаний суффиксов, которые зачастую являют собой последовательности из старого и нового гидронимических формантов: *Пест-ов-ка* — вар. *Пест-ова*, *Болог-ов-ское* — вар. *Болог-ово*. По продуктивности и частоте употребительности в гидронимии РСЗ аффиксальные форманты можно условно разделить на четыре группы:

1) высокопродуктивные — свыше 100 проявлений в гидронимах (-ка, -овка/-евка, -анка/-янка, -енка, -онка, -инка, -ица, -ов/-ев, -ее/-ое, -ское (+ варианты), -ево/-ово, -и/-ы, -но, -ино, -ец, -ая, -ня);

2) продуктивные — 40–100 проявлений (-на, -ина, -иха, -уха/-юха, -ница, -ье, преф. + -ье, -овик, -ник, -ин);

3) малопродуктивные — 10–40 проявлений (-ова/-ева, -ушка/-юшка, -ца, -уша, -ище, -ек/-ок, -ик, -енок, -онок, -цо, -иц, -ень, -ея, -ля, -омля/-емля, -ыня, -ья);

4) непродуктивные — менее 10 проявлений (все остальные форманты).

Все перечисленные форманты могут быть обнаружены в разных разрядах как общезыковой, так и ономастической лексики, поэтому степень гидронимичности их относительна. Наиболее специализировались в качестве «речных» форманты -ня, -на, -ея, -ья, -ля, -иц, -ика, -ка, -енка, -инка и некоторые другие.

Архаичность гидронима определяется не только характером основы, но и его структурно-словообразовательными особенностями: структурой форманта (гидронимы с простыми формантами в целом более древние, чем названия со сложными формантами); возможностью расширения одного гидронимического форманта другим (нерасширенные варианты гидронимов древнее расширенных); продуктивностью формантов (гидронимы с непродуктивными и малопродуктивными формантами нередко оказываются и более ранними, таковы, напри-

мер, образования на *-ея, -ья, -омля/-емля, -ля, -ома, -ико, -еха, -ижа, -жа, -еж, -уй, -ейка, -оль, -ыня, -ынь, -ынья* и др.); сочетаемостью формантов с разными типами основ (например, дериваты на *-ова, -ина* от апеллятивов в целом более архаичны, чем равноструктурные образования от антропонимов); морфонологическим влиянием форманта на основу (например, гидронимы с исходом на *-ька* более молодые по сравнению с гидронимами на *-ка*). Соответственно, такие гидронимы, как *Березна, Лавынька, Меденец, Пенькино, Свира, Смердомля, Солоница* должны считаться более ранними, чем, например, их варианты *Березенка, Лавынка, Меденецкое, Пеньковское, Свиранка, Смердомка, Солонка*; гидронимы типа *Волчина, Лякова* более древние, чем *Жукова, Сидоркина*.

Собственно флексийные форманты, малочисленные в сравнении с суффиксальными, характеризуют примерно 1 800 водных названий РСЗ (около 1/6 всего корпуса). Обычно эти структурные средства продолжают флексии полных, иногда кратких форм прилагательных, которые благодаря субстантивации, вызванной онимизацией, редуцировали свою словоизменительную парадигму: *Черный*, руч. ← *черн(-ый, -ая, -ое)*, *Глубокое*, оз. ← *глубок(-ий, -ая, -ое)*, *Бела*, р. ← *бел(-ый, -ая, -ое)*. Другая разновидность флексий-формантов образует гидронимию *pluralia tantum*: *Кола*, оз. ← *кол* 'рыболовный закол', *Лужи*, оз. ← *лужа*, *Разливы*, оз. ← *разлив*, *Струги*, оз. ← *струга* 'поток', 'омут', 'яма', *Большие Насцы*, оз. ← *Большое Насцо*, *Сольцы*, р. ← *Сольца*. Редко встречаются флексии-форманты, связанные с иными типами деривации от глаголов и существительных, такие как в *Хуба*, р. (← *хубати*, ср. польск. диал. *chubać* 'бежать, лететь'), *Перехода*, р. (← нариц. *переход* или д. *Переход*). Подробнее следует сказать еще об одной разновидности флексий-формантов, функционирующих, в отличие от указанных выше случаев, вне связи с апеллятивной лексикой — в сфере оттопонимной (отгидронимной) деривации. Это весьма распространенные в гидронимии РСЗ суффикс-флексии, отражающие деривационные отношения, как правило, между названиями смежных рек и озер: *Перетна*, р. — *Перетно*, оз.; *Поньря*, р. — *Поньрь*, оз.; *Пскова*, р. — *Псково*, оз.; *Сухая*, р. — *Сухое*, оз.; и т. п. Главным свойством суффикс-флексий является их координированность друг с другом, а их главное предназначение — различать равноосновные названия смежных гидрообъектов, обычно смежных рек и озер. Такие факты относили к примерам равноправной номинации двух объектов, «ко-номинации» [Агеева, 1989, 98]; на мой взгляд, речь должна идти о последовательной номинации: имя одного водного объекта переносилось на другой при помощи одного лишь флексийного форманта. Обычно исходным являлось название озера, а флексийным дериватом — название реки, вытекающей из озера, обратное направление деривации выявляется значительно реже. Суффикс-флексии — признак архаичности отношений, которые со временем часто оказываются замещенными более новыми суффиксально-производными отношениями между лимнонимами и потамонимами: *Перетна*, р. — *Перетно*, оз. → *Перетенка*, р. — *Перетно*, оз.;

Сухая, р. — Сухое, оз. → Суховка, р. — Сухое, оз. [см. более подробно: Васильев, 2009, 45–46].

Названия таких общих классов гидрообъектов, как река (речка), ручей, озеро, характеризуются своими предпочтениями в выборе формантов. Основным классификатором формантов относительно гидрообъектов исторически являлся грамматический род опорного слова. Благодаря ему названия рек завершаются формантами на «женскую» флексию *-а*, *-а(я)* (*-ка*, *-енка*, *-инка*, *-янка*, *-иха*, *-ица*, *-ута*, *-на*, *-ля*, *-ая* и др.), названия ручьев содержат «мужские» форманты (*-ский*, *-ник*, *-ий/-ый/-ой*, *-ин*, *-ец* и др.), названия озер оканчиваются на флексии *-о*, *-е*, *-ое* среднего рода (*-ино*, *-ово*, *-ское*, *-цо*, *-ое/-ее* и др.). Что касается лимнонимов, то по сравнению с названиями водотоков (потамонимами) их отличает больший удельный вес флексийных формантов (включая и флексию *-и/-ы*) и в целом меньшая стандартизованность, стереотипность суффиксальной деривации. Множество (не менее 1 000 на РСЗ) лимнонимов объединяет концовка *-ское/-цкое*, но она получила распространение совсем недавно. Лимнонимы располагают почти всем наличным инвентарем деривационных средств, в том числе некоторый процент лимнонимов всегда содержится в типовых структурных моделях названий рек. В этих моделях лимнонимы появляются по разным причинам, среди которых и конкретные микроландшафтные трудности подразделения рек и озер как особых водных объектов. В регионе РСЗ специализировались именно в лимнонимии такие форманты мужского рода, как *-енок*, *-инок*, *-янок* (оз. *Окуненок*, *Поддоринок*, *Белянок* и др. — некий аналог «речных» *-енка*, *-инка*, *-янка*), хотя в целом дериваты с формантами, сопровождаемыми нулевой флексией, выступают и как названия озер, и как названия ручьев. Официальная гидрографическая терминология, используемая в картах и справочниках, не обязательно дифференцирует названия ручьев и названия рек, хотя для естественно сложившейся гидронимической номинации такое подразделение сохраняет актуальность. Названия ручьев имеют свои особые форманты (*-ов/-ев*, *-ин*, *-ский*, *-ий/-ый/-ой*), при которых родовое слово *ручей* в народной речи не опускается, вопреки тому, что видим в официально принятой гидрографической номенклатуре (говорят *Бобров ручей*, *Мелкий ручей*, но пишут *Бобров*, *Мелкий*). Названия ручьев на РСЗ порой встречаются со специфическими исходами среднего рода, характерными для лимнонимии (руч. *Велижье*, *Войе*, *Житце*, *Иванцево*, *Клокино*, *Орехово*, *Хилово* и др.), а в древности такие формы могли относиться и к сравнительно крупным водотокам, ср. средневековые речные гидронимы *Веребье*, *Волхово*, *Порусье* (→ совр. *Веребья*, *Волхов*, *Порусья*). Это явление может иметь истоки в древней родовой вариантности по говорам флексий *-о* и *-ь* в парадигме бывшего *ь*-склонения [см. более подробно: Крысько, 2007, 89–92].

В той части словообразовательного анализа, который посвящен основам гидронимов, существенно различать источники и, соответственно, процессы возникновения гидронимии. Водные названия на РСЗ, как, впрочем, и любые

nomina propria на любой территории, возникают либо из общеязыковой лексики благодаря процессу онимизации апеллятивов, либо из ономастической лексики благодаря процессу трансонимизации — переходу онимов из одного класса в другой. Оба эти процесса могут быть неморфологическими — без изменения формы, и морфологическими — с преобразованием формы слов или словосочетаний. Лингвоэтнически эти процессы объединяются тем, что используют лексические и деривационные средства господствующего языка региона (на РСЗ это восточнославянский, позднее русский); в этом плане они противопоставляются третьему главному источнику гидронимии РСЗ — усвоению (заимствованию) восточными славянами, позднее русскими, иноязычных названий. Основа, структура и деривация усвоенных гидронимов подлежат обычно этимологическому анализу. В регионе РСЗ онимизация (конкретнее — гидронимизация) апеллятивов является, пожалуй, главным источником гидронимов, но этот тезис относится только к сфере морфологической онимизации, использующей значительный набор деривационных средств, прежде всего суффиксальных и флексийных (см. выше). Неморфологическая онимизация (*ветка*, *витка* ‘приток’ → *Ветка*, *Витка*, р.; *губа* ‘залив’ → *Губа*, оз.; *осье* ‘осинник’ → *Осье*, оз.; *пуговка* → *Пуговка*, оз.) занимает в гидронимии РСЗ скромное место. Неморфологическая онимизация характерна в значительно большей степени для микрогидронимии и для микротопонимии в целом, тогда как анализируемая гидронимия РСЗ, как правило, являет собой издревле устоявшийся класс названий, неоднократно переоформлявшийся в процессе исторического развития. Ст. Роспонд справедливо обосновал тезис о первичных названиях, равных апеллятивам, и вторичных, использующих словообразовательные средства [Rospond, 1957, 33–49]; онтологически это различие частично преломляется в различиях деривации микротопонимов и топонимов. Вполне оправданно также деление онимизации апеллятивов на простую, метафорическую и метонимическую [см. подробнее: Подольская, 1990, 43–44]².

Трансонимизация, т. е. переход онима из одного класса в другой, в формировании гидронимии на РСЗ играет значительно большую роль, чем кажется на первый взгляд. Особенно много водных названий-трансонимов появляется в рамках сравнительно поздних структурных моделей, например, среди речных названий с концовкой *-ка*, озерных на *-ское*. Трансонимизация как ономастический феномен зачастую недооценивается, игнорируется в трудах исследователей. Возможно, такое положение дел обусловлено тем, что квалификация трансонимов нуждается в выходе за рамки рассмотрения собственно гидронимии, требует

² Н. В. Подольская классифицирует только факты неморфологической (семантической) онимизации, однако ничто не мешает распространить эту классификацию также на морфологическую онимизацию апеллятивов, ср., например, *Чернянка*, р. ← *черная* (простая онимизация), *Пуговское*, оз. ← *пуговка* (метафорическая онимизация), *Крапивня*, р. ← *крапива* или *крапивная* (метонимическая онимизация).

большей системности анализа, учитывающего гидронимию в составе так называемых топонимических микросистем (ТМС). Обнаружение ТМС требует учета онимии смежных топообъектов в прошлом и настоящем, как правило в масштабе микротерритории, поэтому зачастую нужны специальные, порой краеведческие и историко-топонимические, разыскания. Такого рода микрорегиональный подход позволил бы обнаружить множество фактов трансонимизации в региональном гидронимическом исследовании. Для формирования гидронимии РСЗ наиболее значимы следующие трансонимические переходы по смежности:

ойконим → гидроним (*Раковичи*, д. → *Раковинное* / *Раковическое*, оз.; *Углы*, д. → *Углянка*, р.; *Хаболово*, д. → *Хаболово*, *Хаболовское*, оз.);

лимноним → потамоним (*Нига*, оз. → *Нижица*, р.; *Сухое*, оз. → *Сухая*, р.; *Фролово*, оз. → *Фролянка*, р.);

потамоним → лимноним (*Невраж*, р. → *Неворож*, *Неворожское*, оз.; *Уза*, р. → *Узское* / *Узкое*, оз.; *Холова*, р. → *Холовец*, оз.);

потамоним → потамоним (*Белка*, р. → *Белочка*, р., *Белки*, приток; *Веряжа*, р. → *Веряжка*, р.; *Ижора*, р. → *Большой Ижорец*, р.; приток *Ижоры* → *Малый Ижорец*, р., *Большого Ижорца*, приток);

лимноним → лимноним (*Годовик* оз. → *Малый Годовик* оз.).

Очень большое количество гидронимов РСЗ произведено от смежной ойконимии, но в большинстве таких случаев названия селений и урочищ не являются отправной точкой, а сами дублируют ранние варианты тех же гидронимов — либо еще сохраняющиеся, либо прослеживаемые по исторической документации, либо легко прогнозируемые по характерному «гидронимическому» облику ойконима. Восстанавливается, следовательно, цепь «гидроним → ойконим → гидроним», важная для раскрытия эволюции топонимических микросистем. Так, название *Мдичка* (левый приток *Мды*) произведено не от *Мда* при помощи *-ичка*, а от средневекового, ныне утраченного смежного ойконима *Мдица*, д., ойконим же дублирует *Мдица*, название притока р. *Мды* (оно отмечено в средневековой письменности), само же речное название *Мдица* образовано от *Мда* при помощи диминутивного суффикса *-ица*. Микросистемы смежных названий и, соответственно, гидронимы, включенные в них, изменяются весьма динамично. Так, например, одна из ТМС в басс. Мологи в XIX в., судя по письменным источникам, имела вид *Меглина*, р. — *Меглино*, оз. — *Меглино*, д., а сегодня *Меглинка*, р. — *Меглино*, *Меглинское*, оз. — *Меглино*, д.; в данной современной МТС потамоним произведен от старого варианта лимнонима, а новый вариант — *Меглинское* — от ойконима. Направление трансонимизации в ТМС порой трудно определить: например, для смежных названий *Тухомлянка*, р., и *Тухомичи*, д., лучше ограничиться констатацией того, что оба названия отсылают к основе *Тухом-* древнеславянского антропонима.

Анализ микросистемных отношений, в которые включены многие водные названия на РСЗ, позволяет понять особенности их появления и развития (опре-

делить деривационную структуру имен-трансонимов, выяснить истинный характер формантов, вектор производности, мотивированность и др.), равно как и делать выводы об историческом развитии отдельных микросистем в целом, выявляя утраченные их элементы по исторической документации или восстанавливая по разным структурным показателям. Обнаруживается множество случаев, когда имеются возможности для разноплановой «внутренней реконструкции» и особенно: 1) для уточнения локализации средневековых селений, рек, озер, болот и иных объектов; 2) для восстановления употреблявшихся ранее вариантов форм названий селений, вод и др.; 3) для трактовки происхождения и специфики деривации гидронимов и ойконимов.

Учет типологии и формантов, и деривационных (производящих) основ в их единстве позволяет поставить вопрос о выделении конкретных деривационных типов в гидронимии, характеризующихся разной степенью регулярности. Однако непротиворечивая классификация деривационных типов для всей гидронимии РСЗ вряд ли возможна хотя бы потому, что крупные типы допускают разбиение на более мелкие типы, далеко не всегда ясна граница между формантом и деривационной основой (это прежде всего касается гидронимов с последовательностью аффиксов), имеет место неединственность мотиваций (*Ольховка*, *Ольшанка* — от *ольховый*, *ольшаный* с помощью *-ка* или от *ольха* с помощью *-овка*, *-анка*). Вместе с тем для значительной доли гидронимов конкретика деривации все же восстанавливается.

В качестве слов-мотиваторов для гидронимии РСЗ могут быть указаны (в порядке убывания) апеллятивы, представленные чаще адъективами, лимнонимы, потамонимы, ойконимы, оронимы, антропонимы. Факты гидронимической деривации непосредственно от антропонимии диагностируются обычно тогда, когда гидроним содержит посессивный суффикс и не смежен с ойконимом равного облика: *Григин*, руч. ← личн. *Грига*; *Легоща*, оз. ← личн. *Легость*; *Миледино*, оз. ← личн. *Милята*; *Русаново*, оз. ← личн. *Русан*; реже констатируется бесформантная деривация, ср. *Жирома*, оз. ← личн. *Жиром(а)*, *Хотьма*, оз. ← личн. *Хотьм(а)* (от *Хотьмир*, *Жиromир*).

Что касается деривационного значения, гидронимы РСЗ, как правило, выражают относительность (отношение) в чистом виде, реже — притяжательность (при деантропонимном образовании), еще реже сочетают относительность с деминутивностью (ср. *Виточка* — приток р. *Витка*). Структурные группы (иначе — структурные модели) как совокупность названий, объединенных формальным сходством структуры, выступают образцами при производстве гидронимов: именно под влиянием всей совокупности подобных фактов активизируются те или иные простые гидронимические форманты, закрепляются сложные форманты, а иноязычные форманты порой подгоняются под облик славянских (например, *Колошка*, *Печенка* из *Колокша*, *Печеньга* по образцу форм на *-ка*; *Касный*, *Кивый*, *Сарный* из *Каснуй*, *Кивуй*, *Сарнуй* по образцу прилагательных

на *-ый*), более крупные и продуктивные структурные модели отчасти влияют на небольшие, непродуктивные, что находит свое выражение главным образом в словообразовательной вариантности названий. Однажды возникнув, гидроним стремится к закреплению в какой-либо структурной модели, становясь элементом целого. Гидронимические ареалы лучше определять не для частных деривационных типов в рамках структурных моделей, а для структурных моделей в их полном составе.

В гидронимии РСЗ обнаруживается большое множество названий одного водоема, представленных в вариантных формах, главным образом суффиксальных. Особенно часто наблюдаются варианты среди дериватов на *-енка* и *-инка*, *-ец* и *-ица*, *-ье* и *-ское*, *-ово* и *-овское*, *-ино* и *-инское*, *-ов* и *-овка*, *-ка* и *-на*, *-но* и *-ово*, *-ница* и *-ник*, *-ов* и *-ова*, *-ин* и *-ина*, *-на* и *-ня* и некоторые другие. Среди основных причин появления вариантов — воздействие иных структурных моделей, приводящее к мене формантов (*Вязовый* — вар. *Вязов*, *Кольчица* — вар. *Колчиха*, *Ящерица* — вар. *Ящерка*); влияние микросистемного топонимического окружения, приводящее к наложению формантов (*Вердуга* — вар. *Завердужье*, *Пестова* — вар. *Пестовка*); соотнесение названия с разными типами референтов (*Черный* — вар. *Черная*, *Щекочий* — вар. *Щекочка*); смешение формантов в результате ослабленного произношения (*Устенка* — вар. *Устинка*). Кроме того, варианты гидронимов, в том числе и не связанные с формантной частью, часто появляются из-за некорректного воспроизведения (ослышки, описки, опечатки — например, *Холматужа* ошибочно воспроизведено как *Хомашукса*), из-за расхождения орфографических норм (*Крупа* — вар. *Крупна*, *Лужонка* — вар. *Луженка*), из-за различий фонетической адаптации одной и той же иноязычной формы (*Кудьба* — вар. *Кудьма*, *Салма* — вар. *Солма*) или ее переосмысления (*Нижница* — вар. *Нижница*). Есть и другие причины появления вариантных форм.

Способы деривации водных названий РСЗ характерны и для славянского топонимообразования в целом. Самое заметное проявление имеют суффиксальный способ, которым охвачено наибольшее количество разноструктурных названий, и способ субстантивации признаков слов (прилагательных, редко — причастий), вызывающий функциональное преломление адъективной флексии во флексийный гидронимический формант, согласованный с обозначением гидрообъекта. Флексийные названия имеют тенденцию к дальнейшему преобразованию по суффиксальному способу (*Белая*, р. → *Белка*, р.; *Ситная*, р. → *Ситня*, р.; эта тенденция, однако, реализуется далеко не всегда) и зачастую переходят благодаря суффикс-флексийному способу деривации на смежные гидрообъекты. Значительно реже проявляется способ бесформантной, или функционально-семантической, деривации (*струга* → *Струга*, р.; *черная речка* → *Черная Речка*, р.) и плюрализации (*струга* → *Струги*, оз.; *талец* 'незамерзающий ручей' → *Тальцы*, р.; *Осницы*, оз. при д. *Асница*). Еще более редок конфиксальный способ, чаще представленный структурами «префикс *за-* (или *над-*, *под-*, *о-*, *без-*) + *-ье*,

-ья»: *Заборовье*, оз. ← *за бором*; *Залозна*, р. ← *за лозой*; *Защегорье*, оз. ← *за Щег(о)р-*, ср. рядом р. *Шегринка*; *Порусья* ← *по Русе*; *Поручка* р. ← *по руч(ью)*, — есть дериваты и с начальным *не-*: *Нетороповка*, р., ср. поблизости р. *Торопа*. Конфиксальные гидронимы основаны зачастую на предложно-падежных формах, а конфиксальный способ может считаться развитием предложного способа деривации. Этот последний обычен в микропонимии, но в гидронимии представлен единичными фактами (ср. *Подбором*, р., пр. Лыченки, л. пр. Луги). Еще в меньшей степени, чем конфиксальный, представлен на РСЗ близкий к нему префиксальный способ деривации: например, *Закукубой*, р. (← *за Кукубом*, где *Кукубой* — текущая поблизости река), *Надбель*, р. (← *над белью*), *Поджар*, р. (← *под жаром*). Немногочисленны на РСЗ двуосновные гидронимы, образованные способами сложения и соположения (несобственного сложения). Обычно такие гидронимы оформляются одновременно и по суффиксальному способу: *Березорадинское*, оз. ← *березовая рада*; *Малолеска*, оз. ← *малый лес*; *Семиводка*, р. ← *семь вод*, — изредка выступают без суффиксации: *Водопай* (вода + *паять* 'соединять'), *Наверека*, *Семивод*, *Трирека*, *Устричка* и др. Способ дифференцирования (с помощью определений-дифференциаторов), сопрягаемый только с процессом трансонимизации, получил в гидронимии РСЗ заметное развитие, ср. частые случаи расподобления смежных названий типа *Нижнеберезное*, оз., и *Верхнеберезное*, оз.; *Черное*, оз., и *Малое Черное*, оз.; *Щекочий 1-й*, руч., и *Щекочий 2-й*, руч.; изредка такие названия сопровождаются дополнительной суффиксацией и сложением: *Малашуинка*, р., приток р. Шуи ← *Малая Шуя*.

В силу избирательности гидронимической номинации могут быть выделены характерные номинативные типы в гидронимии РСЗ, которые представлены повторяющимися и/или равноосновными названиями. Особенно длинные ряды дериватов от апеллятивов *черный*, *белый* (гидронимы от этих цветовых обозначений образовали на РСЗ по меньшей мере два десятка ТМС типа *Черное*, оз. — *Белое*, оз.), *каменный*, *большой*, *глухой*, *безымянный*, *горелый*, *гора* и *горный*, *городить* и *город*, *долгий*, *гусиный*, *задний*, *крапивный*, *красный*, *круглый*, *крутой*, *медведь*, *межник*, *мельничный*, *мох*, *нижний*, *верхний*, *озеро* и *озерный*, *ольха* и *ольховый*, *береза* и *березовый*, *ореховый*, *остров*, *песчаный*, *руда*, *сосновый*, *средний*, *старый*, *сухой*, *талый*, *хвош*, *холодный* и др.

Субстратная гидронимия, вскрываемая при этимологическом подходе, в структурном отношении не менее разнообразна, чем славянская. Структурные элементы гидронимического субстрата существенно трансформировались в процессе славянской адаптации, которая различается по своему качеству (фонетическая, словообразовательная, эллиптирование, калькирование, ремотивация) и в зависимости от территории и хронологии усвоения.

В гидронимии финно-угорского происхождения в регионе РСЗ главные повторяющиеся структурные элементы (суффиксальные форманты и трудноотличимые от них омонимичные суффиксы деривационных основ, а также термины-

детерминанты) составляют следующий ряд³: -оя/-ея/-ия/-уя/-ая/-уй/-ой/-ий/-ый (*Вадоя, Оксея, Вельгия, Печуя, Кивуй, Ньюгой, Везий, Сарный*) и близкие -бой/-буй/-ба (*Качебой, Нежбуй, Шужба*), -с/-сь/-сть/-са/-за (*Тубосс, Валдась, Пудость, Вотроса, Ильмаза*), -ега/-ога/-ага/-йга/-уга/-юга/-юка/-яга/-ика (*Мегрега, Ладоба, Толдага, Пуйга, Винтуга, Юга, Раасьюка, Маяга, Ютика*), -да (*Суйда*), -дро/-дра/-доро/-ер/-гер/-вер (*Шерегодро, Кезадра, Пудоро, Селигер, Пажгер, Музовер*), -вжа/-виша/-ужа/-мжа/-уза (*Лемовжа, Меневиша, Мстоужа, Пимжа, Пиуза*), -кса/-киша/-гжа (*Малакса, Колокша, Мологжа*), -нда (*Веренда*), -нза (*Пугонза*), -ч/-ча/-чь (*Нивач, Мяргоч, Неглич, Кубыча, Шалочь*), -ж/-жа/-ш (*Гандеж, Таморжа, Индыш*), -хта/-хоть (*Солохта, Малехоть*), -божа/-бужа (*Кобожжа, Коробужа*), -бал/-бола (*Ледобал, Ледбола*), -нь (*Равань*), -(о)да (*Тигода*), -кас (*Кайвакас*), -ра (*Янгера*), -сари/-сарь (*Лепсари, Комсарь*), -сара (*Куйсара*), -ярви (*Лигоярви*), -со (*Кутсо*), -ла (*Кушела*), -бжа/-жба (?) (*Полобжа, Волобжа*), -ма/-ба (*Визьма, Кудьба*), -сьма (?) (*Сергасьма*), -ньга (*Сязеньга*) и др., кроме того, часты полукальки на -озеро, -ручей, единичны на -река (*Ландозеро, Куручей, Кузрека*). Повторяющиеся структурные элементы в гидронимии индоевропейского (протобалтийского) и собственно балтийского происхождения на РСЗ в основной своей части следующие: -ва, -ава, -ова, -ов (*Лидва, Облава, Обнова, Волхов*), -ика (*Нотика*), -уга (*Вердуга*), -уда (*Вруда*), -ожа (*Изгожа*), -айка/-ейка (*Можайка, Балчейка*), -ома (*Судома*), -на (*Льзна*), -она (*Полона*), -сна (*Кодосна*), -она/-еба/-еб (*Жукопа, Тулеба, Кудеб*), -ота, -ута (*Волкота, Серута*), -ье (*Наговье*), -еча (*Весеча*), -ай, -уй, -оя, -уя, -ея (*Уд-рай, Секуй, Утроя, Оскуя, Куря*), -ан, -ин, -ень, -он, -ун (*Ильган, Самин, Осень, Демон, Алтун*), -но, -ино, -ина (*Стабно, Шевино, Медина*), -ня (*Лусня*), -иня (*Петриня*), -утня, -ытня (*Полутня, Торбытня*), -ято (*Верято*), -еля, -оль, -оля (*Смерделя, Алоль, Алоля*), -онь (*Явонь*), -ото (*Сокото*), -енто (*Лосенто*), -оть, -ать (*Верготь, Ловать*), -есть (*Кунесть*), -изня (*Добизня*), -ера (*Вишера*), -ья (*Выбья*), -ут, -иты (*Стергут, Верхиты*); префиксальные: не- (*Неворож, Немега*), по- (*Понеделька*) и др.

Еще больше обнаруживается таких субстратных гидронимов РСЗ, исконные аффиксальные или детерминантные структуры которых позднее были осложнены славянскими формантами (*Валдайское, Кихтоллка, Лимандрово, Люко-сарская, Матьерка, Млевка, Пейпля, Цыновец* и т. д.). Такого типа расширенные субстратные названия появляются вследствие различных процессов трансформации; на их фоне почти столь же многочисленные субстратные названия без славянских формантов воспринимаются как первичные (в этом смысле они подобны славянской гидронимии, равной апеллиативам).

³ Количество названий, приведенных в скобках, не исчерпывает полный объем той или иной модели, оно ограничено одним иллюстративным примером для каждого структурного элемента.

В целом, проведенный этимологический анализ позволил выделить в регионе РСЗ, во-первых, многие факты раннеславянской гидронимической архаики, во-вторых, гидронимы прибалтийско-финские (отчасти конкретно атрибутируемые как карельские, вепсские, эстонские, водские, финские) и волжско-финские (мерянского типа), иногда саамские, в-третьих, гидронимы балтийские, иногда с общеевропейскими связями. Все эти пласты имеют ареальную характеристику и связаны с этнической историей региона.

-
- Агеева Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.
- Васильев В. Л.* К вопросу о суффикс-флексивном способе топонимообразования // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология*. Екатеринбург, 2009. С. 45–46.
- Крысько В. Б.* Очерки по истории русского языка. М., 2007.
- Подольская Н. В.* Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983.
- Подольская Н. В.* Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // *Вопр. языкознания*. 1990. № 3. С. 40–53.
- Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
- Rospond S.* Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych. Wrocław, 1957.

Рукопись поступила в редакцию 13.10.2012 г.

V. L. Vasilyev

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Russia)
vihnn@mail.ru

STRUCTURAL AND DERIVATIONAL TYPOLOGY OF RUSSIAN NORTHWESTERN HYDRONYMS

Key words: Russian language, Russian northwestern hydronymy, structural and derivational typology of hydronyms, hydronymic formants and stems, hydronymic microsystems, derivational relations in hydronymy.

The article describes some preliminary results of a structural and derivational analysis of river, brook and lake names of the Russian Northwest presenting a list of the main formants proper to the Slavic hydronymy of the region and lists of structural elements proper to non-Slavic hydronyms. The author analyzes the notion of derivation as applied to hydronymy, draws a typology of formants, observes preferences for choosing formants depending on hydro-object classes, and, finally, focuses on onymization and transonymization processes, microsystemic relations, ways of hydronyms formation, their variation, etc.